

ХОРОШО у Васильева в Борках! Даже сейчас хорошо, когда на Псковщине трещат непривычные для последних лет морозы. Громадные сосны в снегу, уютные сиреневые дымки над крышами, чистейшие пухлые сугробы...

Ярко горят над селом на холме огни мемориала. У подножия холма светятся окна двух домов. В одном живет Иван Афанасьевич Васильев, в другом размещен созданный им музей «Писатели на войне».

...Большую комнату опоясывает плакат — строчки из стихотворения Матусовского: «Вижу ясно, как бы впервые, чистых заводей синеву. Отними у меня Россию, я минуты не проживу».

Под плакатом — стенды: снимки, письма, автографы, книги, рисунки, фронтовые газеты. Дня не хватит, чтобы все как следует осмотреть. А тут еще к иному экспонату взгляд прилипает чуть ли не на полчаса. Ну как не остановиться, скажем, у этого снимка. На нем деревенский мальчишка. Тот самый, что однажды вытащил из леса на салазках полуживого обездвиженного летчика. Письма этого летчика деду Михайле, который выходил его из сожженной деревушки. Знал я, конечно, что у героев «Повести о настоящем человеке» были прототипы, но не представлял себе, что до такой степени реальные. Еще фотографии. Озорной, лукавый, курносый парень снят рядом с А. Твардовским — это он послужил художнику-иллюстратору прототипом для создания образа Теркина. Его сам Александр Трифонович признал Теркиным.

Все мы знаем о битве на западе России. Здесь, под Ржевом, Калинином, Великими Луками бои шли затяжные, мучительные, кровопролитные, бои за каждый дом, каждый пригорок, бои, где победы чередовались с поражениями, где дивизия, окружившая немцев, сама могла попасть в окружение. Негромкая «черновая» война на перемалывание противника, без которой не было бы, вероятно, ни победы под Москвой, ни Сталинграда, ни Курской дуги. Знаем мы и о том, что многие писатели в этих местах побывали, но до посещения музея в Борках я все-таки не представлял себе по-настоящему, как тянулася совесть России — ее литература — именно к этим, глубинно русским местам, в какой степени она разделила труд солдата именно на этих печальных болотно-лесных фронтах. Самый цвет нашей словесности — Твардовский, Эренбург, Фадеев, Симонов, Сурков, Щипачев, Полевой, многие другие. Видишь их здесь, как живых — через их письма, снимки, записи их голосов. «Всесильный бог деталей, Всесильный бог любви» — в деревенском музее мне почему-то вспомнились эти пастернаковские строки. Да, школьник, который посетит музей в Борках, уже не сможет просто «проходить» «Молодую гвардию» или «Повесть о настоящем человеке». У него останутся они не только в памяти, но и в душе. И все это богатство (не полностью еще представленное, многое пока в запасниках) по крохам собирал один человек, немолодой, по горло загруженный работой (скажите, братья-аграрники, кто еще из нас так вкалывает на газетно-журнальной ниве, как публицист Иван Васильев?!).

Выходим из музея. Мое молчание Васильев толкует как проявление скептицизма. И «заводится с полуоборота».

«Скажешь, завел себе хобби на старости

Иван ВАСИЛЬЕВ:

КАК ХЛЕБ, КАК ВОЗДУХ...

лет? Скажешь — «Чем бы дитя ни тешилось...» Как до вас, милая наша интеллигенция, довести простую мысль: деревне сегодня нужна культура! Как хлеб, как воздух нужен! Одной сытости мало. Сопьемся, в барахле погрязнем. Попы — они не дураки были. Для воспитания человека в нужном им духе применяли и полный культурный комплекс. Архитектура — раз, музыка, пение — два, живопись — три, литература — четыре. И прихожане не были при этом пассивными зрителями. Они и в хоре пели, и на церковь жертвовали, и попу исповедовались. А что мы сейчас имеем? Книжек в деревне не продают, никто, никогда и никаких! «Центросоюз» наш эту обузу с себя скинул, перешел на спиртное, что остается сельянином? Танцы под радиолу да телевизор. Посмотрел, выпил, закусил...»

Я нарочно «провоцирую» собеседника: «Музей тоже всю культуру не заменит». «А кто тебе сказал, что мы музеем ограничимся? у нас еще картинная галерея создана. При ней — класс юных художников. Два раза в неделю учителя из Великих Лук ездят. Объединим и взрослых самодельных художников, есть у нас в совхозе такие. В перспективе... как бы это назвать... сельский «храм искусств», что ли? В одном здании — музей, галерея, художественная школа, музыкальная студия, залчик для литературных вечеров».

Продолжаю «заводить»: «Слушай, а почему всем этим должен заниматься писатель, почему не райисполком, не районное управление культуры?» «Вот! Вот! Лев Николаевич за весь наш Союз писателей пахал, а не побоялся свое драгоценное для мира время на школу в Ясной Поляне потратить; Антон Павлович был

писатель. не нам чета, а сколько всего в Мелихове понастроил и мужиков бесплатно лечил! А мы?»

По-моему, каждый писатель должен сегодня что-то делать для деревни. Практически! Своими руками, за свой счет!»

Картинная галерея занимает пять комнат в школе-интернате. Около 300 пейзажей, натюрмортов, целый стенд акслибрисов, присланных художником В. Васильевым. Наш экскурсовод Г. Латышева, местная учительница, души не чаёт в галерее, делом жизни она для нее стала. Вот и еще живая душа загорелась от васильевского огонька... Сколько их, оказывается, этих «прорабов духа» в народной толще!

Кто-то метко сказал: человек есть узел

душевных связей, чем их больше, тем крупнее, значительнее личность. У Ивана Васильева их, этих связей, великое множество. И немалая их часть рождена его работой по созданию сельского «храма искусства».

Вот только вчера, накануне моего приезда в Борки, ленинградский писатель и кинорежиссер А. Очкин для библиотеки военной книги при музее привез книги, в том числе свою «Иван — я, Федоровы — мы» — о смоленской династии деревенских воинов и тружеников, которая ведет свой род от знаменитой старости Васильевых. И у героев судьбы фантастические, и у самого автора книги. В 16 лет ушел он на фронт. Сражался в Сталинграде, на Курской дуге закрыл собой амбразуру дота, получил свыше 20 ранений, чудом выжил и еще до Берлина дошел.

Видел я в галерее Васильева прекрасные пейзажи Псковщины, подарил их художник А. Птицын. У него нет обеих рук — потерял на разминировании, когда ему было 17 лет. Тем не менее кончил художественное училище, Институт имени Репина. В десяти городах области проводил свои выставки. Раздаривает картины школам. Здесь, в районе, жил две недели. Написал групповой портрет рабочей династии Тимофеевых.

За каждой картиной — чья-то душевная щедрость, чье-то бескорыстие и любовь к деревне, к сельскому труженику, которые всегда так характерны были для настоящей нашей интеллигенции. Один только псковский писатель и критик В. Курбатов собрал по просьбе Васильева свыше 100 картин в Пскове, Ленинграде, Таллине, Калинин.

Рассказывая о музее, Иван Афанасьев

замечает: «Это мы делаем в рамках программы «Память», разработанной и проводимой в жизнь нашим Великолукским райкомом партии». Я заинтересовался: что это за программа? «О-о, это очень важная штука. Понимаешь, любую деревню, любое место только тогда житель настоящему любит, когда оно чем-то отличается от других, имеет свои достопримечательности. Наши предки это понимали. Что ни деревня, то какая-то особинка — часовня, «чудотворный источник», легенда об историческом событии. Мы эту память как-то стерли, обезличили, обесцветили, отдавшись чисто хозяйственным аспектам сельской жизни. И если деревня просто скопище домов, бригада совхоза номер такой-то и все, то ее можно с легкой душой объявить неперспективной и пустить под бульдозер. А вот, когда знаешь, что, к примеру, наши великолукские деревни Вязь и Комша упоминаются в заповедии Ивана III, то тут сто раз в затылке почешешь, прежде чем их судьбу решать... Музей не только у нас в Борках создается. Рядом, в деревне Полибино, было имение Софии Ковалевской, — тоже музей разворачивается, в селе Урицкое создан музей юных партизан — из тамошней школы 54 ученика ушли в леса. Есть село Успенское. Там жила Войнич, автор «Овода» — школа создает музей Э. А. Войнич. Приезжала из Москвы писательница Евгения Таратута, которая вместе с Б. Н. Полевым ездила в Нью-Йорк и там встречалась с Войнич. Таратута помогает сегодня школе материалами. Так что я здесь не одиночка, не чудак-фанатик, нет!»

Между прочим, свой музей Васильев начал создавать еще когда жил подо Ржевом. Также в совхозе. Поначалу его подерживали, потом пришел другой директор, велел из помещения все выкинуть и развернуть там мастерскую по изготовлению наглядной агитации. Здежнему «Пореченскому» совхозу повезло, что поселился в нем Иван Васильев. Но и Васильеву повезло, что он поселился именно в «Пореченском», которым руководит Виктор Никитич Купцов. Я с удовольствием познакомился и поговорил с этим человеком, когда он забрал на огонек к Васильеву. Директор как директор. День-деневской в хлопотах: Поднимает понемножку хозяйство, выводит в передовые. Коллекционирует выговоры.

Устает он безмерно, порой отчаивается: «Зайду к Ивану Афанасьевичу, душу отдаю и опять пошел работать...» И какое бы ему, казалось, дело до всех этих «писательских выдумок»? Что у него, кроме «храма искусств», других печалей мало? Других поводов для конфликта с ревизорами?

А знаете, что он сказал мне, когда мы заканчивали беседу: «Этот культурный центр — завтрашний день нашего совхоза»...

Наверное, репортаж не принято заканчивать призывами, и все-таки хочу нарушить эту традицию. Товарищи писатели, товарищи художники, москвичи, ленинградцы, жители других городов! Дело, которое творит Иван Васильев и его друзья, — это и ваше дело! Дайте деревне картины и книги! Отдайте сельской культуре частицу своей души! От этого вы не беднее — богаче станете.

А. НИКИТИН,
собр. корр. по Нечерноземной зоне

село БОРКИ
Псковской области